

— В Вильнюсе мы работали на БЭСМ-6, по тем временам лучшей из отечественных ЭВМ с быстродействием около миллиона операций в секунду, принадлежавшей Институту Физики и Математики Академии Наук Литовской ССР - ИФМ. Институт располагался на неблагоустроенном ещё берегу реки Нерис, но близко от центра города, минутах в пяти ходьбы от здания Республиканской библиотеки, фасадом выходившей на проспект Ленина. Здесь же, рядом с библиотекой, располагалось общежитие аспирантов Литовской АН, где нас вполне официально селили по направлениям из хозотдела Академии Наук, которые нам выписывали по предъявлению наших командировочных удостоверений.

— Комендантом общежития был бритоголовый пожилой мужик с сизым носом - Болислав Никодимович или просто Болис, как мы его звали между собой. Костя сразу же почувствовал его склонность к алкоголю, и каждый раз зазывал Болиса к нам, если у нас намечалась выпивка. Тем самым Костя, а с ним и вся наша компания завоевали расположение коменданта (после войны, кстати, бывшим в "зелёных братьях" и отсидевшим срок за это), который селил нас в лучших номерах.

— В общежитии имелось несколько комнат гостиничного типа на один-два человека, а остальные - стандартные комнаты на четверых с умывальником. В гостиничных комнатах обычно селились наши девицы: Блик, Поцтывая, Бутович, а парни занимали одну четырёхместную под номером 30, в которую Болис никого чужих не селил, а держал постоянно для нас. Тем самым жилищная проблема была разрешена наилучшим образом: всё рядом - и институт, и проспект Ленина с его забегаловками и магазинами.

— Жилось и работалось в Вильнюсе прекрасно, несмотря на гонку, необходимость успеть к определённому сроку, которая, с одной стороны, мобилизовывала, а с другой - нервировала, вела к спешке, которая порождала дополнительные ошибки. Рабочее время, разумеется, не нормировалось, работали до очумения, до воспалённых ночными бдениями глаз, ибо обычно только ночью нам давали нужные объёмы машинного времени, днём же пропускали лишь короткие отладочные задачи.

— Зато как приятно было, отправившись поужинать, пройтись по вечернему Вильнюсу, заглянуть в одну из бесчисленных сосисочных и просто забегаловок, где можно побаловаться кофейком (восемь копеек чашка!), а если не предвиделась ночная работа, то и чем-нибудь покрепче - по пять-восемь наименований напитков, включая всякие сорокаградусные настойки, наливки, ликёры, с умеренной наценкой и без ограничений до закрытия в 23.00. А какие закуски - колбаски, паштеты, ветчина и вообще не поймёшь чего, но вкусно! А пиво! Пивбар на Ленинском с непременно морским окуном холодного копчения! Где это всё? Увы!

— В то время и в Калининграде с продуктами было - не сравнить с нынешней пустотой. Масло, во всяком случае, варёная колбаса были всегда, с рыбой лучше даже, чем в Вильнюсе, существовали мясные магазины, и в них бывало мясо. С очередями, правда, но было! А из Вильнюса мы возили домой вкусности из кулинарного магазина - печёночный паштет, карбонат, домашнюю колбасу, а также шоколадные конфеты ("Гражина") в коробках и оригинальные спиртные напитки вроде вишнёвого ликёра "Бочю". Потом, когда в Калининграде исчезло государственное мясо, - возили мясо, которое в Вильнюсе можно было выбрать на любой вкус и без очереди. Но с каждым годом и в Вильнюсе всё хужело. Однако, я забегая вперёд.

— В общем, наши жёны терпели наши частые отлучки в Вильнюс из-за того, что пустыми мы обратно не возвращались. К тому же шли командировочные, из которых Костя всё мечтал расплатиться, наконец, с долгами, скрываемыми от жены. Обстановка, правда, не очень этому способствовала. Напряжённая работа требовала разрядки, а соблазнов Вильнюс предлагал предостаточно. Выпивали мы, правда, не так уж часто - по выходным, и по особым случаям - удач или неудач в работе, но это имеются в виду

полноценные пьянки, когда заранее скидывались по тройку на выпивку и закуску, что обеспечивало две бутылки водки на троих, ветчину и репчатый лук на закуску. А сто грамм в "Рутинке" получалось чуть ли не через день, не говоря уже про пиво.

— В Вильнюсе я научился, как и остальные, прорезать бритвочкой недостающие дырки в перфокартах и заклеивать лишние, исправляя ошибки перфорирования (дисплеев тогда ещё не было). К перфораторам нас самих не всегда пускали, и исправлять перфокарты с помощью бритвы получалось быстрее, чем отдавать на перфорирование. Вместе со всеми я искал ошибки в программе, внимательно изучая каждую строчку, а когда видимых ошибок не обнаруживалось, придумывал проверочные варианты расчётов.

— Вначале Костя пытался решать уравнения модели путём сведения к задаче Коши, задавая граничные условия на нижнем конце области интегрирования по высоте. Но летом, в Иркутске (на семинаре по моделированию) в дискуссиях с иркутянами выяснилось, что такой подход неверен. Когда мы перешли к заданию условий на обеих границах - нижней и верхней, и к использованию метода прогонки, сдвиг в результатах произошёл существенный. Отладился метод установления, развитый для получения стационарных решений, а вот суточная вариация никак не шла.

— Мы грешили на Лёнькин блок расчёта параметров нейтральной атмосферы и скоростей фотоионизации. Действительно, у Лёньки ошибки выявлялись порой в таких ситуациях, когда он божился, клялся и давал голову на отсечение, что всё правильно, он тысячу раз проверял, скорее машина, мол, врёт, а всё равно оказывалось, что где-нибудь сидит явный ляп. К тому же Лёнька, старый чёрт, самый старший из нас, под тридцать пять уже, завёл шуры-муры с симпатяшкой Леночкой Блик, позабыв о жене и сыне, и дело, кажется, зашло далеко...

— Но это Бог с ними, их дело, лишь бы работа шла. Лена у нас была на хорошем счету, аккуратна, исполнительна, а Лёнька, паразит, ей работать мешает, и сам халтурит.

— Но вот уже и Лёнькина программа работает несомненно правильно, а суточная вариация всё не идёт, и мы сидим скопом в Вильнюсе уже второй месяц безвыездно и без выходных, ибо в выходные-то самый счёт и идёт, больше всего свободного времени на машине.

— Это было в марте-апреле 1973 года. Это был период максимального напряжения сил и сплочения коллектива, наибольшей теплоты в наших с Костей отношениях. Цель была ясна, и мы с азартом стремились к ней. Этой целью была работающая модель, а за ней - Костина и Лёнькина диссертации, моя должность старшего научного сотрудника, и, наконец, использование модели для грядущих многообещающих исследований...

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)